

Статья Маматовой Ш. «Роль и функции ориентализмов в русской литературе начала XX в.» сдана в печать в сборник научных трудов
«Научные поиски филологов»

Редактор сборника

доц. Абдуллаева А.С.

В данной статье раскрывается роль, и функции ориентализмов в русской литературе начала XX в.

Как известно, термин ориентализм имеет весьма различное содержание – от искусствоведческого (использование тех или иных восточных мотивов и сюжетов или элементов восточного быта представителями другой культуры) до философски-политического (взгляд на восточную культуру с позиций европейской). Однако в собственно лингвистическом и литературоведческом плане обычно трактуют как применение тех или иных восточных реалий в рамках соответствующего текста.

Само понятие Восток в данном случае достаточно условно – им оказывается и исламский мир, в свою очередь, разделённый в языковом отношении (арабо-язычный, тюркский и т.д.), и Индия с её многочисленными языками и культурами, и Китай, и Япония... Естественно, что в качестве объединяющего признака с интересующей нас точки зрения здесь выступает, если можно так выразиться, функционально-стилистическая составляющая, которую можно определить как экзотизацию исходного текста.

Говоря об ориентализмах (resp. восточных реалиях), обязательно следует принимать во внимание, идёт ли речь о текстах, созданных в рамках соответствующей культуры (арабской, индийской, китайской и т.д.) и на первичном для последней языке, или же они введены на правах экзотизмов в произведение, созданное на другом языке и (или) представляющее другую

культуру (индийские – у С. М. Городецкого (1884-1967), кавказские – у Л.Н. Толстого и т.д.).

Неоориентализм начала XX век (термин С. К. Маковского) был обращен к романтико-ретроспективной экзотике, сменившей формы классического искусства в своем тяготении к мотивам красочно-пластичным, декоративным и проч. Он был обусловлен особым вниманием к национальным истокам и проявлен в разных областях искусства и литературы (Л. Бакст, Н. Рерих, А. Белый, А. Блок, Вяч. Иванов, К. Бальмонт, В. Хлебников), философии (К. Н. Леонтьев, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский, В. В. Розанов, позднее — евразийцы). Функциональная отмеченность и стилистическая окраска ориентального материала могут быть показаны на фоне «восточной темы» в ее историко-культурном контексте, не в этнографическом, но в филологическом прочтении материала.

К примеру, роза — символ «любви и смерти... страдания и мистических откровений», в восточной поэзии — живое существо, «с ней перенесся и рой окружающих ее живых сказок, и часть поэтического символизма» (1). «Персидские поэты мыслили розу как живое существо, средневековые — как символ любви и красоты, роза Пушкина — это прекрасный цветок на своём стебле, роза Майкова — всегда украшение, аксессуар, у Вячеслава Иванова роза становится мистической ценностью» (2). «Черная роза влюбленности» у А. Блока противостоит «светлому кресту страдания», но «роза Гафиза» у О. Мандельштама (Ты розу Гафиза колышешь, И няньчишь зверушек-детей) — часть другой эстетической системы: это символ двоемирия. «У акмеистов роза опять стала хороша сама по себе, своими лепестками, запахом и цветом, а не своими мыслимыми подобиями с мистической любовью или чем-нибудь еще»(3). Очевидно, эпитеты восточный, фарсийский (персидский) — не географические, а семантические атрибуты, отмечающие восприятие предмета в национальной «зоне представлений»: Встречая взгляд очей твоих восточных; в лучах

восточных звезд (М. Лохвицкая.); Луна сребрит парчу дубрав восточных (Вяч. Иванов. Повечерие); Глиэр! Семь роз моих фарсийских (4).

В ряде случаев зона использования ориентализмов оказывается тесно связанной с архаикой (5), а частью и обусловлена ею. Хронологическая удаленность окрашивает слово вне зависимости от обозначаемого им предмета. См., например: Вина пряны, зурны сладки, рдяны складки пышных риз (Вяч. Иванов, Палатка Гафиза); Там священный прах Гафиза в меде пчел и в хмельных лозах, И земля воннее тмина, — мой венок садам Ширази (А. Глоба, Газеллы).

Влияние восточной литературы прослеживается в ряде художественных приемов, например в сравнении телесных черт с буквами или атрибутами письма: То девушка стройна, как буква алеф (6); Она стройнее, чем калям (7); Нету почетнее в Персии Быть Гуль-Муллой, Казначеем чернил золотых у весны (8).

Глаза — черные солнца в «Темир-Аксак-хане» Бунина (Где глаза, сиявшие, точно черные солнца на ложе твоём!) — перенос традиционного в восточной поэзии сопоставления глаз с черными нарциссами-светильниками, равно как и сравнение облаков с верблюдами (М. Лохвицкая), уст — с соком граната (А. Случановский), щедрости — с пальмой (И. Бунин, К. Липскеров).

Сравнение в восточной поэзии абстрагировано: оно раскрывает не сравниваемый предмет, а то, с чем сопоставляется (кипарис, а не стан; точка на письме, а не родинка). Полумесяц в строчках К. Липскерова: «Полумесяц взошел над гробницей Тимура» («Самарканд») — окрашен национальным контекстом: это подкова боевого коня Тимура и религиозный стигмат, выросший из первого (9). Ветер пыток в «Трубе Гуль-Муллы» Хлебникова и ветер бедствий у Липскерова (День шестой) — метафоры, строящиеся на чужом семантическом содержании: ветер — символ несчастья, нечто, вызывающее отрицательное действие.

Таким образом, некогда заимствованные как микротекст слова, они сохраняют чужое контекстное содержание, а с ним и определенные ассоциации, символику, круг сочетательных возможностей.

Литература:

1. Веселовский А. Н. Из поэтики розы//Избр. статьи. Л., 1939. С. 133.
2. Гумилев Н. С Письма о русской поэзии. Пг., 1923. С. 211.
3. Городецкий С. Некоторые течения в современной русской поэзии//Аполлон.1913.№1.С. 48
4. Вяч; Иванов. Глиэр. ...//Стихотворения и поэмы. М., 1976. С. 295)
5. Роузентал Ф. Функциональное значение арабской графики//Арабская средневековая культура и литература. М., 1978. С. 155.
6. Вс. Рождественский // Жизнь искусства. 1920. С. 334.
7. В. Хлебников. Труба Гуль-Муллы // Стихотворения и поэмы. Л., 1969. С. 354.
8. М. Никольский, Песни страсти Востока. С. 13)
9. Бартольд В.В. К вопросу о полумесяце как символе ислама. Пг., 1918.